

Жун Цзюэ окончательно провалился в беспамятство, так и не узнав, в каком отчаянии пребывал Тан Фэйбай. Режиссёр замер на месте, прижимая кота к груди; он выглядел так, будто сам готов был разрыдаться. Лишь спустившийся к ним Фэн Чэн сумел привести его в чувство:

— Сначала в больницу. Только посмотри, сколько он натерпелся.

Тан Фэйбай очнулся и поспешил к ветеринарам. В клинике уже знали, что у него пропали оба питомца, и искренне сочувствовали, но когда режиссер ворвался в двери с окровавленным белым котом на руках, все застыли в шоке.

К счастью, профессионализм взял верх. Врачи быстро осмотрели животных. Сунсун — тот самый неповоротливый Гафи — отделался парой царапин и свалявшейся шерстью; его передали ассистенту для чистки. За Жун Цзюэ же взялись всерьёз. Самой опасной оказалась рана на спине, оставленная когтями бродячего кота: рваный след тянулся от шеи до самого живота. Без швов было не обойтись.

— Это опасно? — Тан Фэйбай побледнел. — Отразится ли это на его здоровье в будущем?

— Пока сложно сказать, — осторожно ответил врач. — Ранений много. Первичный осмотр показал, что воспаления нет, но нужно полное обследование.

Жун Цзюэ унесли в операционную. Как бы Тан Фэйбай ни нервничал, ему оставалось только ждать в коридоре, прижимая к себе Сунсуна. Тот, обычно бестолковый и вечно витающий в облаках, сейчас наотрез отказывался отходить от хозяина. Тан Фэйбаю ничего не оставалось, кроме как пойти вслед за ассистентом, чтобы Сунсун спокойно перенёс процедуры.

— Кроме истощения, у него нет серьезных проблем. Раны поверхностные. Сейчас мы его вымоем и обработаем от паразитов.

Тан Фэйбай не возражал. Пока Сунсуна мыли, он не сводил глаз с хозяина, а когда вода намочила шерсть, сердце Тан Фэйбая сжалось от боли. Раньше Сунсун был упитанным, вальяжным котом, а теперь от его былой стати остались лишь кожа да кости.

— Удивительно, что они вообще смогли вернуться, — пробормотал Фэн Чэн, стоявший рядом. — Погоди-ка... Ты ведь брал их с собой на Киностудию в город Н? Между ним и этим местом целый регион. Как они преодолели такое расстояние?

Фэн Чэн искренне поражался, не подозревая, что Жун Цзюэ притащил Сунсуна из еще более далекого города. Но сейчас лишь помощнику было до этого дело — мысли Тан Фэйбая превратились в сплошной хаос.

Операция Жун Цзюэ затянулась. Рану зашили, поставили капельницу. Врач настоял на

стационаре: ранение было свежим и глубоким, требовалось наблюдение, чтобы избежать лихорадки. Тан Фэйбай рвался остаться в клинике на ночь, но в итоге Фэн Чэн буквально силой уволок его домой. Чтобы хоть немного успокоить друга, он разрешил ему забрать Сунсуна — тот в лечении уже не нуждался.

Вернувшись, Тан Фэйбай не находил себе места. Он даже не стал укладывать кота в его лежанку, а просто уснул в кресле, прижимая Сунсуна к груди. Сон был тяжелым, липким: режиссеру то и дело виделось, как врач выходит из операционной и печально качает головой.

Едва рассвело, Тан Фэйбай, бросив все дела и насыпав Сунсуну гору корма, помчался в клинику. Сотрудники только заступали на смену. Жун Цзюэ всё еще спал. Сказались и крайнее истощение, и действие наркоза. Он лишь изредка тихо стонал, и тогда Тан Фэйбай бережно поглаживал его по голове, стараясь унять эту боль.

Жун Цзюэ пришел в себя только к полудню. В первый миг он испуганно замер, не понимая, где находится, и по привычке ожидая новой беды. Но, открыв глаза и встретившись взглядом с Тан Фэйбаем, в котором читались безграничная нежность и облегчение, он наконец расслабился. Сил встать не было. Кот лишь преданно лизнул ладонь хозяина и положил на неё голову. Безопасность. Наконец-то он был дома.

Врач подтвердил, что состояние стабилизировалось. Выписав гору противовоспалительных средств и строгую диету, он отпустил пациента. Прежний Жун Цзюэ наверняка бы возмутился: «Это нельзя, то нельзя, что мне вообще есть?», но после дней голода и объедков из помоек он был согласен на любую съедобную вещь.

Дома Тан Фэйбай превратился в самую заботливую няньку. Он бережно устроил кота в лежанке и принялся изучать инструкции к лекарствам. Режиссер так дрожал над Жун Цзюэ, словно тот мог задохнуться от любой крошки, в то время как сам кот страдал от другого — от унижения.

Проснувшись, он обнаружил у себя на спине огромный марлевый бант. Позор, да и только! И ладно бы просто повязка, так Тан Фэйбай еще и сфотографировал его в таком виде и выложил в Вэйбо! Где же обещанная вечная любовь? Где сочувствие?

В период реабилитации Жун Цзюэ из вредности включил режим «капризной принцессы». Он вредничал, отказывался от таблеток и вел себя вызывающе высокомерно, но Тан Фэйбай не сердился. Он терпеливо уговаривал кота, сюсюкался и шел на любые уступки.

Заглянувший на днях Фэн Чэн стал свидетелем этой идиллии и почувствовал, как у него дергается глаз.

— Господи, — выдохнул он. — Ты хоть когда-нибудь начнешь относиться к людям с такой же нежностью?

Это же надо — видеть, как суровый режиссер расплывается в улыбке перед котом, который в ответ лишь одаривает его презрительным взглядом.

Тан Фэйбай, только что ворковавший над питомцем, мгновенно обернулся к другу. Он снова стал бесстрастным и холодным.

— Оставь надежду, — отрезал он. — Даже если ты превратишься в кота, тебе это не поможет.

<http://bllate.org/book/17567/1715189>